

УДК 821.111.09, 821.161.1.09

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-199-204

СЕРГЕЙ АКСАКОВ В АНГЛИИ (К ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)

© Тамара Селитрина

SERGEI AKSAKOV IN ENGLAND (ON THE PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY)

Tamara Selitrina

The article presents the assessment of S. Aksakov's artistic heritage by English critics and writers. We prove that the Russian writer unites European cultures by using universal content. Along with the classics of Russian literature – I. Turgenev, L. Tolstoy and F. Dostoevsky, S. Aksakov's prose has worldwide significance. The year 1991 was declared by UNESCO the Year of Sergei Aksakov. Aksakov's "The Family Chronicle" was translated into German by Sergei Rachinsky and was highly praised by A. Herzen. After James Duff translated Aksakov's trilogy into English, the writer, along with Turgenev, Tolstoy, Gogol and Chekhov, entered the "golden fund of world literature". The special interest to Aksakov in England was noticeable both in the early 20th century and in the 1980, when his works became bestsellers along with the works of famous Victorians. The article reveals the role of Dmitry Mirsky in popularizing Russian classics, as well as Virginia Woolf, according to whose testimony books by Russian authors Aksakov, Chekhov Turgenev and Dostoevsky found the most enthusiastic response among English readers. The article also touches upon the translation specifics of Aksakov's works into English.

Keywords: Sergei Aksakov, "The Family Chronicle", "A Russian Schoolboy", D. Mirsky, Virginia Woolf, Andrew Darkin, Pastorale

В статье приводятся оценки художественного наследия С. Т. Аксакова английскими критиками и писателями. Доказывается, что русский писатель объединяет европейские культуры общечеловеческим содержанием. Наряду с классиками русской литературы Тургеневым, Толстым и Достоевским проза С. Т. Аксакова приобрела всемирное значение. 1991 год был объявлен ЮНЕСКО годом Сергея Аксакова. «Семейная хроника» Аксакова была переведена Сергеем Рачинским на немецкий язык и заслужила высокую оценку А. И. Герцена. После перевода Джеймсом Даффом трилогии Аксакова на английский язык писатель наряду с Тургеневым, Толстым, Гоголем и Чеховым вошел в «золотой фонд мировой литературы». Особый интерес к Аксакову в Англии был замечен как в начале XX века, так и в 80-е годы XX века, когда его произведения наряду со знаменитыми викторианцами стали бестселлерами. В статье раскрывается роль Дмитрия Мирского в популяризации русской классики, а также Вирджинии Вульф, по свидетельству которой книги русских авторов Аксакова, Чехова Тургенева и Достоевского нашли самый горячий отклик у английского читателя. В статье также затрагиваются вопросы специфики перевода Аксакова на английский язык.

Ключевые слова: Сергей Аксаков, «Семейная хроника», «Русский школьник», Д. Мирский, Вирджиния Вульф, Эндрю Даркин, пастораль

Для цитирования: Селитрина Т. Сергей Аксаков в Англии (к проблеме национальной идентичности) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 199–204. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-199-204

После выхода в свет работы французского исследователя Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» (1886) первым из русских писателей, вошедших в английский канон русской литературы, станет Тургенев. Вслед за ним английский читатель познакомился с Толстым, Гоголем,

Гончаровым, Аксаковым, Чеховым. Считается, что в Англии особый интерес к русской литературе возник лишь в 1854 г. во время Крымской войны. Этот интерес был продиктован стремлением понять страну, которая могла представлять угрозу для европейской цивилизации.

Ранее русские авторы были представлены лишь в отрывках (Ломоносов, Сумароков, Херасков в 1784 г., Пушкин в 1824, 1829 гг.) Однако в 1850 г. в Англии в переводах появилась целая серия русских романов и повестей: «Капитанская дочка» в 1859 г., «Герой нашего времени» в 1854 г., затем повести Гоголя и «Казаки» Толстого в 1866 г.

Особое значение в приобщении западного читателя, в частности английского, к традиции русской классической литературы XIX в. имела деятельность Д. П. Святополка-Мирского. Он поставил перед собой задачу опровергнуть бытующее мнение о русской литературе как сугубо назидательной. Первоначально он печатает свои очерки в виде серии статей в разных английских журналах. Защитив в Лондонском университете магистерскую диссертацию о Пушкине, он издает ее в виде монографии в 1926 г. Она считалась на Западе лучшим введением в изучение творчества русского поэта. Опубликованная Мирским в 1927 г. обширная монография по истории русской литературы с древнейших времен и до смерти Достоевского считалась первоклассным трудом, а Мирский стал ведущим историком русской литературы как в Англии, так и в Европе. Эта книга, как и многие другие работы Мирского, была переведена на все основные европейские языки. К ним прибегают все изучающие русскую литературу. На наш взгляд, они не устарели до сих пор. По сути, Д. Мирский стал посредником между английской и русской литературами, внося весомый вклад в изучение русско-европейских литературных связей.

Его перу принадлежат также статьи по русской литературе для Британской энциклопедии. По его статьям и книгам знакомилась с русской литературой Кэтрин Мэнсфилд, Вирджиния и Леонард Вулфы, Э. М. Форстер и др. Д. Мирский в своих лекциях об истории русской литературы с древнейших времен до 1925 г. объяснял иностранному читателю, что русский реалистический роман со середины XIX и до начала XX в. внес достойный вклад в европейскую литературу, которая, по его мнению, стала достоянием всего человечества.

По справедливому суждению Д. Мирского, русский реализм постепенно освобождался от одностороннего показа действительности и стал изображать жизнь во всей ее полноте, раскрывая в человеке «смешение высокого и обыденного, добра и зла» [1, с. 272]. На его взгляд, унаследовав от Гоголя пристальное внимание к деталям, писатели стремились создать прозу, «адекватную самой жизни» [Там же, с. 274]. Д. Мирский напомнил, что Аксаков, Гончаров и Тургенев опи-

рались на опыт своих предшественников – Пушкина и Лермонтова, и сумели создать «ровное, равное, одинаково человеческое отношение ко всем персонажам» [Там же, с. 273]. Именно эту особенность европейская читающая публика восприняла как откровение. Д. Мирский считал, что русские реалисты сумели представить образ обыкновенного человека. На наш взгляд, в этом русские реалисты сближались с классиками английской литературы, в частности с Джордж Элиот, которая в «Адаме Биде», в «Сценах из клирической жизни» писала, что хочет «возбудить сочувствие к будничным заботам, вызвать слезы, описывая настоящее горе, того горя, которое, может быть, живет по соседству и проходит мимо не в лохмотьях, не в бархате, а в обычной, вполне приличной одежде» [2, с. 104].

Неслучайно другая английская писательница, Вирджиния Вульф, уже в начале XX в. в статье «Русский взгляд» (1918) отмечала, что русские писатели «движимы одним всеобъемлющим стремлением выразить всю меру человеческих страданий и высказать свое беззаветное сочувствие ближнему» [3, с. 413]. Ей импонирует то, что английский читатель заинтересовался русской литературой из столь, казалось бы, далекой и чуждой страны, что эта литература нашла горячий отклик в душе обыкновенного читателя. В. Вульф подчеркивает, что существует языковой барьер, что читатель, как и критик, воспринимает русское слово исключительно через переводчика, и тем не менее уже несколько десятков лет английский читатель наслаждается Толстым, Достоевским, Тургеневым, Чеховым, а также Аксаковым, находя в их книгах «настоящий праздник ума и сердца». [Там же, с. 138].

Сама она стала читать по-русски, занимаясь с русским эмигрантом, юристом и переводчиком Самуилом Котельянским. Одновременно она начала переводить под руководством Котельянского художественные тексты с русского на английский язык. С. Котельянский переводил текст, оставляя пустые строки для вариантов, а Вирджиния Вульф заполняла текст «королевским английским». Нам известно, что она перевела черновые варианты Достоевского к роману «Братья Карамазовы», «Исповедь Ставрогина» и некоторые другие произведения.

Вирджиния Вульф обратила внимание на то, что в английском романе, изображая общество, писателю следует обязательно показать различия между высшим классом и низшим, разницу в их восприятии жизни и жизненных коллизий. Каждый из них подчиняется своим обычаям, традициям и своему особому языку и стилю. Она замечает, что в Англии «все крутится вокруг чай-

ника» (намек на пресловутый five o'clock и страсти англичан к чайной церемонии). В. Вульф полагает, что у англичан наблюдается в большей мере склонность к сатире, нежели к состраданию. Такого стремления, как у русских писателей, – понять каждого отдельного человека, она не обнаруживает у своих соотечественников.

Перевод трилогии С. Аксакова на английский язык осуществил в 1916–1917 гг. Джеймс Дафф (1860–1940). Он был выпускником Тринити-Колледжа (Кембридж), специалистом по классической филологии, переводчиком и издателем Ювенала, Лукреция, Плиния младшего и Лукиана. Прочитав во французских переводах «Войну и мир» Толстого, повести и романы Тургенева, восхитившие его, он стал изучать русский язык сначала по франко-русским словарям, а затем с носителями языка. Познакомившись с семьей русского землевладельца и горнозаводчика Пашкова, чьи сыновья обучались в Тринити-Колледже, он имел возможность совершенствовать свой русский язык, переписываясь в дальнейшем с Александрой Григорьевной Пашковой.

Читая русских авторов Л. Толстого, Тургенева, Герцена, он обратил внимание также на С. Т. Аксакова. Впоследствии под редакцией Даффа вышли на английском языке следующие книги: «Русская лирика и ранний Лермонтов», «Былое и думы» Герцена, «Семейное счастье» Толстого. Особый интерес Дафф питал к творчеству Аксакова. Как и русский писатель, он увлекался охотой, рыбной ловлей, его также пленяла красота родной природы. Дафф изменил русские названия в трилогии Аксакова. «Детские годы Багрова внука» стали называться «Годы детства», «Семейная хроника» – «Русский джентльмен», а «Воспоминания» – «Русский школьник». В своей рецензии на книгу «Русский школьник» Вирджиния Вульф, восхищенная С. Аксаковым, сожалела, что не может познакомиться с продолжением этих повествований. Ей не хотелось расставаться с персонажами, она была готова растянуть удовольствие еще на несколько томов. У нее возникло чувство душевной близости с мальчиком Сергеем Аксаковым, будто она сама в это время находилась в деревне. Причем В. Вульф замечает, что ей одновременно пришлось прочитать множество других книг, но ни одна из них не запала в ее душу. В них, по ее словам, было много удачной игры, но какая-то искусственность, а книга Аксакова была пронизана исключительной свежестью и здоровьем. Перед ней предстала не выдуманная жизнь, а жизнь, в которую хотелось окунуться вновь и вновь, испытывая чувства особой «полноты и те-

пла» [Там же, с. 402]. Она ожидала, что Дафф непременно сумеет отыскать в мировой литературе сокровище, подобное Аксакову.

Вульф подчеркивает особый дар Аксакова – его способность «опять стать ребенком», передать детские ощущения, детали, которые в детстве кажутся огромными, а повзрослевшему человеку видятся «частью обычного уклада жизни» [Там же, с. 401]. Она замечает, что Аксаков заставляет всякого, читающего его книгу, осознать, насколько эмоциональна и любопытна жизнь ребенка и насколько она отличается от жизни взрослого. В. Вульф обращает особое внимание на чуткость мальчика Сергея к жизни, идущей рядом, на его поразительную интуицию. Ее покораивает «эффект живой природы» в его воспоминаниях и образах родителей с позиции ребенка. Вирджиния Вульф полагает, что Аксаков до конца своих дней удерживал мириады впечатлений детства. Он как бы возвращался в другой возраст и переживал заново все происходившее с ним в былые годы. Вульф обращает внимание на известный психологический казус, свойственный человеческой природе, когда прошлое вторгается в настоящее в результате простейшего физического впечатления: запаха цветка, вкуса липового чая (то, что мы наблюдаем в романах М. Пруста). Она высоко ценит «щедрую, восторженную» натуру рассказчика, познавшего во всей полноте свое детство и «сохранившего чистую радость его воскрешения» [Там же, с. 403]. Английскую писательницу очаровывают эпизоды с ловлей бабочек. Она вспоминает собственное фанатичное увлечение, сам процесс «ребячьей страсти», который заканчивается внезапным охлаждением и потерей интереса. Но Вирджинию Вульф изумляет особая чувствительность в воспоминаниях Аксакова, его обмороки и экстазы. Подобные ситуации она обнаружит и у Достоевского. Писательница приходит к выводу, что во всем, вероятно, виновата русская натура и русское воспитание. Ей представляется, что это специфика русской ментальности, русской стихии, русского «самосознания и самоанализа» [Там же, с. 401]. Обратив внимание на фразу Аксакова о том, что «русский народ любит смотреть на движение воды», «любимой стихии», Вульф делает оригинальный и вполне субъективный вывод, что «ликовать и наблюдать зачарованно – особый дар русских людей» [Там же, с. 403].

Восхищенная русской литературой, творчеством Л. Н. Толстого, «Войной и миром» – «самым великим из романов», Вирджиния Вульф уверена, что русский народ создаст в будущем «величайшую автобиографию, прелюдией к которой и явились книги Аксакова». На ее взгляд,

творчество Аксакова заключается в его индивидуальности и красоте души.

Отечественные ученые усматривали определенное типологическое сходство детских персонажей Диккенса и Аксакова. Однако сам Аксаков, обращаясь к читателю, заметил, что его книга изображает мир ребенка, находящегося под влиянием ежедневных новых впечатлений. Ему хотелось создать такую книгу для детей, которой до этого не существовало в мировой литературе. Его задачей было изобразить процесс созидания детской души. Вирджиния Вульф полагала, что за эпизодами собирания бабочек, охоты, ловли рыбы скрывалась у Аксакова бессознательная тяга к красоте, «чувство изобилия и счастья» [Там же, с. 402].

В 1997 г. в США впервые на английском языке вышел перевод книги Аксакова об ужении рыбы, осуществленный Томасом Ходжем. Переводчик сравнил книгу Аксакова с известным в англоязычном мире шедевром Исаака Уолтона «Искусный рыболов, или Созерцательное развлечение мужчины» – произведением, изданным еще в XVII в. и выдержавшим множество переизданий. Томас Ходж обратил внимание на существование в Англии давней традиции этого жанра, тогда как Аксаков явился новатором в своей стране. Для обоих авторов ужение есть своеобразное искусство, а река и ее обитатели представляют собой целый мир.

Аксаков знал о существовании книг по рыбной ловле во Франции и Англии, но эти руководства, на его взгляд, неприменимы к России, поскольку и климат иной, и иные породы рыб.

Для Аксакова мир природы – мир свободы; само общение с природой, на его взгляд, воспитывает и облагораживает человека, отвлекает его от суеты обыденности и пошлости жизни. Сходны суждения Уолтона, уверенного в том, что рыбаки размышляют о духовной чистоте, погрузившись в красоту вселенной. Стихи, введенные в ткань повествования, явились у обоих авторов свидетельством горячей любви к природе, стремлением постичь ее тайны.

На английском языке в настоящее время существует единственная монография о Сергее Аксакове – «Сергей Аксаков и русская пастораль». Ее автор, Эндрю Даркин, имел возможность непосредственно знакомиться с творчеством русского писателя, работая в крупных библиотеках России. Он выдвинул концепцию, согласно которой книги Аксакова следует рассматривать в русле пасторальной традиции, поскольку, по его мнению, в трилогии Аксакова возникает удаленный от времени повествования идиллический и простой мир, но для рассказчика по-прежнему

близкий и воспринимаемый во всей его противоречивости и сложности. Даркин связывает трилогию Аксакова с пасторальной поэзией. На его взгляд, она близка ей по своей тематике и формам выражения, по пасторальному мироощущению и пасторальной топике.

Даркин сознает, что произведения Аксакова отличаются от традиционной пасторали, тем более что определение самого жанра достаточно аморфно. Критик обнаруживает пасторальные элементы также у Толстого, Гоголя, Гончарова. Но у Аксакова, по его мнению, проблема соотношения между человеком и природой становится определяющей в его художественном сознании. На наш взгляд, пастораль в монографии Даркина «исследуется как общекультурный идеал сельской жизни в гармонии с природой вместе с созидательным трудом и духовной независимостью» [4, с. 43].

Тургенев считал произведения Аксакова олицетворением русской жизни, в которой история семьи сопрягается с историей России, а Льву Толстому импонировала соразмерность и гармоническая целостность книг Аксакова. Неслучайно Д. Мирский помещает творчество Аксакова в один ряд с Толстым.

Американские слависты Маркус Левитт и Ричард Грегг откликнулись на появление книги Эндрю Даркина содержательными статьями. Маркуса Левитта заинтересовала проблема соотношения устной культуры, устного слова как олицетворения архаического мира и цивилизационной составляющей в «Семейной хронике». Он раскрыл это на примере микросюжета исчезновения Моховых озер и преданий, связанных с ними. Левитт сравнил Аксакова с Геродотом, поскольку русский писатель, как и древнегреческий историк, пытался уберечь от забвения устную культуру, находящуюся на перепутье двух миров.

Ричард Грегг в своей статье «Закат династии; от власти к любви в „Семейной хронике“ С. Т. Аксакова» обнаружил библейские аналогии у русского писателя. Он сравнил старика Багрова с Иеговой из книги Бытия, а мир уфимских глав с Софьей Николаевной с образом богоматери с младенцем на руках. На библейский мотив у Аксакова в своих лекциях обратил внимание еще Д. Мирский. Он заметил, что «изложение ведется с монументальной, библейской, гомеровской простотой, сообщающей образу Софьи Зубовой некое героическое величие» [1, с. 287]. Мирский впервые обнаружил в изображении образа отца «одного из самых укрупняющих персонажей», доведенных до мифических масштабов, образов

обыкновенного человека в русской литературе [1, с. 287].

В отечественной критике было отмечено, что искусство детализации, стихия подробностей отличает в первую очередь «Семейную хронику». Детали географические, этнографические, исторические заполняют хронику и характеризуют ее жанровую специфику. Переводчику Дж. Даффу приходилось объяснять английскому читателю значения слов «верста», «кумыс», «десятина», «варяги», «урюма» и т. д. Широкое применение диалектизмов, архаизмов, элементов просторечия, языковых и стилистических тропов, идиоматики требовали особого мастерства переводчика. Неслучайно А. Герцен предупреждал воспитательницу своей дочери, которая вознамерилась перевести «Семейную хронику» на английский язык, о затруднениях, с которыми ей придется столкнуться. Он объяснил ей, что это очень национальное произведение, что надо представлять в деталях исторический и культурный фон, о чем она не имеет ни малейшего представления. Он посоветовал ей прочесть «Семейную хронику» в переводе Сергея Рачинского на немецкий язык. Герцен считал перевод Рачинского чрезвычайно удачным.

Очарованная Аксаковым Вирджиния Вульф понимала, что на чужом языке невозможно воссоздать все элементы структуры оригинала; здесь важна система приоритетов, с которой Джеймс Дафф, безусловно, справился, знакомя английского читателя с творческим наследием Аксакова.

Думается, что систематический интерес английского и западного читателя к произведениям Аксакова соотносится с мнением крупного английского литературоведа Д. Сессила, который отметил следующее: «Семейная хроника» примечательна тем, что, создавая воспоминания с точки зрения ребенка, Аксаков сумел воссоздать атмосферу, которая могла бы существовать «в любое время и в любом месте» [4, с. 52].

Таким образом, русский писатель объединил «европейские культуры общечеловеческой тематикой и приобрел всемирное значение». Вирджиния Вульф первая заговорила о русском влиянии, в частности Аксакова: «Зачем понапрасну тратить слова, когда писать надо только о русской литературе» [3, с. 775].

Современному англичанину С. Аксаков импонирует «чистотой нравственного чувства», поэзией природы, изображением обывденной сельской жизни со всеми ее ритуалами. Общей можно считать и любовь к традиции, уважение к истории. Сегодняшняя английская литература невозможна без уважения к классической традиции. Особенно значима концепция природы у Джона Фаулза. У него, как и у Аксакова, природа становится мыслящим началом, вневременным символом.

Список источников

1. *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древних времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск.: Изд-во «Свинья», 2009. 872 с.
2. *Селитрина Т. Л.* К вопросу о литературно-эстетических взглядах Дж. Элиот // Литературные связи и традиции. Межвуз. сб. Выпуск 4. Горький: Изд-во Горьковского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 1974. 187 с.
3. *Вульф Вирджиния.* Обыкновенный читатель / подгот. Н. И. Рейнгольд; [Отв. ред. А. Н. Горбунов]. М.: Наука, 2012. 776 с.
4. *Селитрина Т. Л.* Преемственность литературного развития и взаимодействия литератур: Учеб. пособие. М: Высшая школа, 2009. 288 с.

References

1. Svyatopolk-Mirskii, D. P. (2009). *Istoriya russkoi literatury s drevnikh vremen po 1925 god* [History of Russian Literature from Ancient Times to 1925]. Per. s angl. R. Zernovaya. 4-oe izd. 872 p. Novosibirsk, izd-vo "Svin'in i synov'ia". (In Russian)
2. Selitrina, T. L. (1974). *K voprosu o literaturno-esteticheskikh vzglyadakh Dzh. Eliot* [On the Literary and Aesthetic Views of George Eliot]. Literaturnye svyazi i traditsii. Mezhevuz. sb. Vypusk 4. 187 p. Gor'kii, izd-vo Gor'kovskii gosuniversitet im. Lobachevskogo. (In Russian)
3. Vul'f, Virdzhiniya (2012). *Obyknovennyy chitatel'* [The Common Reader]. Podg. N. I. Reingol'd; otv. red. A. N. Gorbunov. 776 p. Moscow, Nauka. (Literaturnye pamyatniki). (In Russian)
4. Selitrina, T. L. (2009). *Preemstvennost' literaturnogo razvitiya i vzaimodeistviya literatur: Ucheb. Posobie* [Continuity of Literary Development and Interaction of Literatures: A Textbook]. 288 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024
Поступила в редакцию 01.06.2024

Селитрина Тамара Львовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Башкирский государственный
педагогический университет
имени М. Акмуллы,
450008, Россия, Уфа,
Октябрьской революции, 3а.
selitrina@yandex.ru

Selitrina Tamara Lvovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Bashkir State University
named after M. Akmulla,

3a Oktyabrskoy Revolutsii Str.,
Ufa, 450008, Russian Federation.
selitrina@yandex.ru